

УДК 323.28(476)

В. Е. Козляков, профессор (БГТУ)

**БОРЬБА САМОДЕРЖАВНЫХ ВЛАСТЕЙ
ПРОТИВ ТЕРРОРА ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ В БЕЛАРУСИ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

В статье раскрывается сформированная накануне и в период первой российской революции система безопасности и политического сыска в Беларуси, призванная бороться с революционным движением, в том числе против террористических актов оппозиционных партий. Автор выделяет несколько направлений деятельности местных полицейских структур: наблюдение за настроениями населения и выявление подозреваемых в антисамодержавных действиях лиц; непосредственная работа с населением и попытки создания псевдореволюционных организаций, действовавших под контролем полицейских чинов; оперативно-розыскная деятельность полиции с целями упреждения террористических актов и поимки террористов; идеологическая работа, связанная с дискредитацией революционеров и усилением вероподданнических чувств по отношению к царскому режиму.

The article reveals the system of safety and political persecution on the eve and during the first Russian revolution aimed at combating the revolutionary movement and terroristic actions of the opposition. The author distinguishes some directions of activities of the local police: surveillance of the inhabitants and revelation of those suspicions of anti autocratic activities; direct work with local people and attempts to form pseudorevolutionary organisations acting under police control; persecutive work of the police in order to prevent acts of terrorism.

Введение. Необходимость борьбы с современным международным терроризмом требует изучения и осмысления всего совокупного антитеррористического опыта, накопленного в разное время государственными структурами. Разумеется, нельзя отождествлять проявления этой современной опасной тенденции с террором оппозиционных политических организаций, действовавших в Беларуси и России в начале XX в. Тогда это явление было во многом окрашено революционным романтизмом, выражением отчаянного протеста против существовавших самодержавных порядков, борьбы за социальную справедливость. Тем не менее уже тогда терроризм как система насильственных действий, направленных против конкретных политических лиц и институтов с целью дестабилизации обстановки, доказал свою непригодность, зачастую «канализируя» протестные (или защитные) настроения в выгодное для властей провокационное русло.

В последнее время появилось немало работ, в которых исследуется деятельность самодержавных структур по пресечению радикализации революционного движения, рассматриваются формы и методы борьбы полицейских органов с террористической практикой отдельных политических организаций [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Тем не менее, многие аспекты этой проблематики нуждаются в дальнейших исследованиях. Постараемся показать, как в Беларуси в начале XX в. развертывалась борьба самодержавных властей против проявлений оппозиционного терроризма.

Основная часть. Рост революционного движения, его радикализация в Беларуси и

России в конце XIX – начале XX в. заставили царские власти усилить меры по укреплению государственной безопасности и обеспечению политической стабильности. В этих целях еще в 1888 г. были созданы Департамент полиции и Отдельный корпус жандармерии, общее руководство которыми находилось в руках Министра внутренних дел, чем достигалось концентрация всего сыскного аппарата. Местными органами, посредством которых Департамент осуществлял свою «охранительно-розыскную работу», были губернские и областные жандармские управления (ГЖУ, ОЖУ), жандармско-полицейские управления железных дорог (ЖПУ ж. д.), розыскные отделения (с 1903 г. охранные отделения), а также районные охранные отделения (РОО, 1907–1914 гг.). Первые губернские жандармские управления были созданы еще в 1867 г. Их функция – политический розыск и производство дознаний по государственным преступлениям. Особое значение в деле розыска придавалось охранным отделениям и розыскным (охранным) пунктам. Главной задачей охранных отделений являлся розыск по политическим делам, который производился через секретную агентуру и филерское наблюдение. Среди белорусских городов первые охранные пункты были созданы в 1906 г. в Гомеле, Минске, Витебске [2, с. 109, 115–119].

Таким образом, накануне и в период первой российской революции в России была создана громоздкая и сложная система политического сыска, призванная бороться с революционным движением, в первую очередь, пресекать ра-

дикальные выступления, в т. ч. подготовку терактов. В работе указанных полицейских структур можно выделить несколько направлений. Одно из главных – наблюдение за настроениями населения и выявление подозреваемых в антигосударственной деятельности лиц, в т. ч. склонных к организации и осуществлению терактов. Для получения необходимой информации использовались прежде всего сведения, полученные от секретной агентуры, проникшей в местные партийные организации, и от службы наружного наблюдения – филеров. Достоверность этих сведений во многом зависела от «честности» агентуры, ее подготовленности, от того, насколько секретный агент разбирается в партийных делах, а также, насколько он в курсе партийной работы и близок к местным лидерам.

В Беларуси губернские жандармские управления, охранные отделения располагали определенной сетью агентуры в рядах местной оппозиции. Получаемые сведения тут же отправлялись в Департамент полиции. Например, полиции удалось установить надзор за активистами Рабочей партии политического освобождения России, созданной в Минске в 1899 г. Некоторые из них – Г. Гершуни и Л. Клячко – были арестованы на основании донесений полицейской агентуры [8, л. 72–73]. Своевременная нейтрализация этих активистов не дала возможность расширить деятельность партии, сошедшей довольно быстро с политической арены.

Особое внимание полицейские службы уделяли местным организациям социалистов-революционеров. Наблюдение за эсерами Беларуси началось еще тогда, когда партия только складывалась – с 1900 г. Несмотря на ликвидацию минской организации в 1903 г., она вскоре возродилась и с конца 1904 г. уже вела активную агитацию в городе и деревне. К партии потянулась молодежь, прежде всего учащиеся средних учебных заведений. Причем, согласно агентурным сведениям, вербовкой учащихся в местную эсеровскую организацию занималась жена председателя губернской земской управы Л. Матвеева [9, л. 1–3].

В поле зрения полиции попадали и менее известные лица. Так, в рапорте помощника начальника Могилевского жандармского управления А. Власьева от 22 марта 1901 г. говорилось о некоем Иване Мохове, жителе г. Гомеля, который, рассуждая о террористах, неоднократно высказывал мысль о том, что «если бы в Гомеле сформировался подобный кружок, то он первый примкнул к нему» [8, л. 106–107]. Сведения о частных разговорах добывались, безусловно, агентурным путем.

Другое направление в борьбе политической полиции против терроризма заключалось в непосредственной работе с населением и попытках создания так называемых псевдореволюционных организаций, действовавших под контролем полицейских чинов, но куда могли вовлекаться недовольные режимом граждане. Такую идею, правда, не вызвавшую, по свидетельству бывшего в свое время директора Департамента полиции А. Герасимова, особого восторга других полицейских руководителей, пытался осуществить накануне революции С. Зубатов, будучи заведующим Особым отделом Департамента полиции [1, с. 18]. Тем не менее, С. Зубатову удалось привлечь к агентурной работе многих людей, убедив вчерашних революционеров, что только совместная деятельность с правительством может помочь рабочему классу добиться осуществления своих прав. Ряд революционеров поверил С. Зубатову. Среди них наиболее известной была бундовка до ареста, затем одна из лидеров и создателей зубатовской Еврейской независимой рабочей партии Маня Вильбушевич, в будущем сыгравшая значительную роль в Палестине, в просионистском движении «Ха-шомер ха-цаир» [4, с. 78].

Последователем С. Зубатова в Беларуси выступил начальник Минского жандармского управления Н. Васильев, деятельность которого была высоко оценена начальником отделения по охране общественной безопасности в Москве в рапорте от 23 июня 1901 г. По его словам, Н. Васильев сумел «направить недовольство и возмущение масс в нужном для властей направлении через партию М. Вильбушевич». Выступая, например, на собрании минских рабочих, жандарм призывал их «искать удовлетворение своих нужд открытым путем», но предупредил, что «всякие нелегальные начинания будут пресекаться самыми суровыми мерами» [8, с. 115–116]. Некоторые жандармские чины были убеждены, что «появление новой группы лиц, чуждой радикализма, которая, став помощницей правительственной власти, явилась бы конкурирующей революционерам в деле руководства неорганизованной массой». Организация такой силы, по мнению зубатовских единомышленников, «облегчит деятельность правительственной власти, парализует революционеров и окажет помощь массе в ее материальном улучшении» [8, л. 120–121]. Такая тактика особого успеха не приносила. Более того, по признанию самого А. Герасимова, некоторые прозубатовские структуры активно участвовали в организации крупных забастовок, прекращение которых становилось головной болью и для предпринимателей, и для

полицейской. «Зубатовщина» не смогла предотвратить первую российскую революцию.

Третьим направлением, главным в начавшейся революции, была оперативно-розыскная деятельность полиции. Ее задача заключалась в том, чтобы, во-первых, упредить готовившиеся теракты, нейтрализовать их участников и организаторов, снизить в целом накал страстей, а, во-вторых, если не удалось предотвратить инцидент, связанный с покушением на должностных чинов, то следует срочно принять меры по пресечению возникших эксцессов, розыску и поимке террористов и их заказчиков.

Расстрел царскими войсками в Петербурге 9 января 1905 г. мирного шествия рабочих вызвал бурю негодования во многих городах Беларуси. Прошли митинги протеста и демонстрации, зачастую сопровождавшиеся острыми конфликтами и стычками между их участниками и полицией. Так, 18 февраля 1905 г. в г. Двинске Витебской губернии против демонстрантов, выступивших под лозунгом «Долой самодержавие!», были брошены регулярные армейские части. В ответ из толпы демонстрантов прозвучали револьверные выстрелы. В свою очередь, командир роты приказал солдатам открыть огонь. В результате перестрелки погиб один рабочий (по уверению полицейских, замеченный в стрельбе) и трое демонстрантов было ранено [10, л. 14, 17–18].

Жесткие меры были предприняты полицией 5 февраля 1905 г. и в Могилеве против участников демонстрации, устроенной местной организацией РСДРП. Многие из них были избиты. По свидетельству очевидцев, не довольствуясь избиениями, полицейские таскали изувеченных шашками, еле живых демонстрантов в участок и там «продолжали свою работу: топтали ногами, сбрасывали с лестниц» [11, л. 54].

В ответ на подобные действия властей по Беларуси прокатилась волна терактов. Главными объектами террористов стали полицейские чины и губернаторы. Так, в Витебской губернии в период с 1 февраля 1905 по 17 ноября 1906 г. в результате террористических актов были убиты 7 чиновников полиции и жандармерии, в т. ч. вахмистр Витебского губернского жандармского управления и пристав 2-й части Двинской городской полиции. С 12 марта 1906 по 6 августа 1907 г. в Гродненской губернии были убиты 10 и ранены 13 чинов МВД.

Не стали исключениями в покушениях на полицейские чины Могилевская и Минская губернии. В частности, в секретном донесении начальнику Могилевского губернского жандармского управления от 30 сентября 1905 г. перечисляются 4 теракта, проведенных против

чинов гомельской полиции. При характеристике деятельности Гомельской организации социалистов-революционеров жандармский офицер констатировал, что в местечке Ветка «нижние чины полиции и жандармские унтер-офицеры, если в ночное время или вечером встречаются на улице гражданскими лицами, неоднократно подвергались нападению и тяжким побоям». В отчете помощника начальника Могилевского губернского жандармского управления о положении дел в Гомельском, Рогачевском и Быховском уездах за период с 1 октября 1905 по 1 апреля 1906 г. упоминается о террористических актах против сотрудников МВД, из которых четыре закончились гибелью должностных лиц. В донесении минского губернатора П. Курлова от 24 августа 1905 г. при обзоре политических событий за период февраль – июль 1905 г. упоминается об одном убитом и 3 раненых полицейских чинах. В донесении минского губернатора от 19 января 1906 г. сообщается о 4 покушениях на жизнь служащих по ведомству МВД с 17 декабря 1905 г., причем два нападения привели к смерти чиновников [7, с. 49–50].

Террористическая активность в начале 1905 г. заставила полицейское начальство искать дополнительные меры по наведению порядка. В секретном циркуляре Департамента полиции от 24 июня 1905 г. губернаторам, градоначальникам и начальникам губернских и областных жандармских управлений указывалось на необходимость «обладать возможной осведомленностью о всяких готовящихся беспорядках, не допуская их развития до размеров, требующих для прекращения значительной силы». При этом особо обращалось внимание на «выяснение как зачинщиков и руководителей, так и выдающихся участников беспорядков на предмет законного преследования сих лиц по мере ими содеянного». «Изучение каждого отдельного случая, – подчеркивалось в документе, – дает возможность судить о пригодности членов полиции на местах» [12, л. 5–6]. Но грозные окрики и призывы из Петербурга не приносили желаемых результатов. Более того, под прицелом террористов теперь оказывались не только полицейские чины, но и губернаторы. В августе 1906 г. было совершено покушение на могилевского губернатора И. Клингейберга, в октябре – на виленского губернатора К. Палена, в октябре 1905 и январе 1906 г. – на минского губернатора П. Курлова. И хотя высокие должностные лица не пострадали, властей охватывали страх и растерянность.

Полицейские чины сбились с ног, разыскивая и выслеживая террористов. Профилактиче-

ские меры оказывались зачастую запоздалыми. Но в ряде случаев удавалось предотвращать новые покушения. Так, в июне 1905 г. в результате успешно проведенной полицейской операции в г. Гомеле были изъяты бомбы и арестован склад, в котором хранилось 75 револьверов, присланных из Москвы для местных революционных организаций [8, л. 242–243]. Удачные антитеррористические действия на время обеспечивали относительное спокойствие в городе или уезде. Там, где теракт был все-таки совершен, очень часто и исполнители, и заказчики оставались безнаказанными. А местные полицейские структуры вынуждены были лишь констатировать трагические факты.

Наконец, четвертое направление деятельности губернаторского аппарата и его полицейских помощников заключалось в осуществлении ряда мероприятий идеологического свойства, ставивших практические задачи, с одной стороны, дискредитировать всех революционеров, поставить их в один ряд с террористами, с преступниками, а с другой, – усилить среди населения верноподданнические чувства по отношению к царскому режиму. Однако никаких действенных мер власти не изобрели, зато упор сделали на усиление контроля за прессой и другие ограничения.

В циркуляре МВД от 3 октября 1905 г. обращалось внимание властей на необходимость установления строгой цензуры за местной печатью. «Именно периодические издания, выходящие в свет в провинции, – говорилось в документе, – толкуют наиболее подробные описания различных проявлений революционного и аграрного движения, беспорядков на фабриках и случаях столкновения населения с полицией и войсками». В циркуляре предлагалось местным властям сделать распоряжения, чтобы «лица, коим вверена предварительная цензура местных периодических изданий, с особой тщательностью относились к известиям о беспорядках среди городского и сельского населения, забастовках на фабриках и заводах, а также о производимых властями обысках и арестах неблагонадежных лиц» [13, л. 20]. Однако подобные меры особого эффекта не приносили.

Находились люди, которые все чаще стали задумываться о причинах острых конфликтов, вызывавших теракты. Витебская жандармерия посчитала необходимым ознакомить высших полицейских чинов с содержанием письма некоего доктора медицины А. Эйгеса. Автор, не скрывая своих личных обид по поводу неприятия сына в университет, высказал любопытные суждения, порой эмоциональные, о ситуации в Западном крае, радикализации взглядов и настроений среди молодежи. «Молодые люди в

положении моего сына страшно озлоблены и готовы на все – им теперь терять нечего – лишь отомстить за свою, ничем не заслуженную обиду, отомстить за себя и за своих обездоленных товарищей, – писал автор. – Благодаря такому порядку вещей, у нас, в Западном крае, масса социалистов, проникших во все слои общества. Полиция и жандармы усиленно ловят их, но без пользы: на место одного арестованного являются десятки других, и этому не предвидится конца. Охранителям государственных устоев можно бы посоветовать оставить социалистов в покое, а вместо их ловить и запрятать далеко тех, кто их фабрикует, т. е. тех, кто озлобляет людей различными ограничениями и лишением их человеческих прав» [14, л. 85].

О том, что властям надо действовать в отношении с народом гибче, мягче, предпринимателям и помещикам чаще идти на уступки, находило определенное понимание у местного начальства. Так, в письме минского губернатора П. Курлова министру внутренних дел 24 августа 1905 г. причиной аграрных беспорядков в губернии признавалось тяжелое экономическое положение крестьянского населения, «почти закрепощенного местными помещиками». «Если администрации удастся своевременно уговорить помещика или арендатора сделать хотя бы незначительные уступки, – рассуждал П. Курлов, – то волнение само собой стихает, но при несогласии владельцев на какое-либо улучшение крестьянского быта, волнения носят упорный характер, присущий белорусам, и прекращаются лишь при помощи вызванных войск». П. Курлов выражал уверенность, что при даже незначительных уступках со стороны владельцев, аграрный вопрос в Минской губернии, не приобретая острого характера, «окончится сам собой» [8, л. 228–229]. Данные уверения П. Курлова были весьма далеки от реальной действительности, о чем свидетельствовали дальнейшие события. Но подобные признания весьма показательны. «Живучесть» терроризма во многом объяснялась нежеланием властей вести диалог с обществом, изменить хоть что-то в существовавшем политическом строе, ставшем на рубеже веков анахронизмом.

Заключение. Таким образом, проявления терроризма революционеров имели социальную подоплеку. Борьба с ним в белорусских губерниях не приносила особого эффекта, на который рассчитывали власти. И хотя после революции 1905–1907 гг. количество терактов резко сократилось, репрессивные меры властей не могли остановить нарастающее революционное движение. Это было связано с их неспособностью осуществить необходимые реформы, громоздко-

стью и бюрократизмом самодержавно-полицейских структур, отсутствием гибкости в отношении оппозиционных политических объединений.

Литература

1. Герасимов, А. Г. На лезвии с террористами / А. Г. Герасимов. – М.: Товарищество русских художников, 1991. – 208 с.

2. Политические партии и политическая полиция. Документальное исследование: в 3 ч. / под общ. ред. Э. М. Энтина. – Гомель: Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 1996. – Ч. 2. – 450 с.

3. Кошель, П. А. История наказаний в России. История российского терроризма / П. А. Кошель. – М.: Голос, 1995. – 376 с.

4. Прайсман, Л. Г. Террористы и революционеры, охранка и провокаторы / Л. Г. Прайсман. – М.: РОССПЭН, 2001. – 432 с.

5. Терроризм. Борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие / С. Я. Казанцев [и др.];

под ред. В. Я. Кикотя, Н. Д. Эрисшвили. – М.: Закон и право, 2004. – 392 с.

6. Гронский, А. Д. Политическая полиция Российской империи и ее деятельность на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Д. Гронский; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 22 с.

7. Киселев, А. А. Бомба для генерал-губернатора. Революционный террор и чиновники МВД белорусских губерний в 1905–1907 гг. / А. А. Киселев // Белорусская думка. – 2008. – № 6. – С. 48–53.

8. НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 16.

9. НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 23.

10. НАРБ. – Фонд 60. – Оп. 3. – Д. 98.

11. НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 12.

12. НИАРБ. – Фонд 2499. – Оп. 1. – Д. 6.

13. НИАРБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7530.

14. НИАРБ. – Фонд 2499. – Оп. 1. – Д. 27.

Поступила 02.04.2010